

С. А. Фомичев

ПУШКИНСКАЯ
ПЕРСПЕКТИВА


ЗНАК
Москва
2007

«НАЕДИНЕ С ТОБОЮ, БРАТ...»

В стихотворении Лермонтова «Завещание» (1840) воссоздается, по справедливому наблюдению Д. Е. Максимова, «обыденная речь, построенная на разговорной фразеологии, с естественными в интимном, взволнованном монологе недомолвками и паузами»¹. Но внешне прозаическая, до предела — и лексически, и синтаксически — опрощенная форма стихотворения сочетается с изощренной строфической организацией, которая до сих пор несколько скрадывается при неточном воспроизведении текста, состоящего из разностопных строк². На самом деле стихотворение следует печатать так:

Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть:
На свете мало, говорят,
Мне остается жить!
Поедешь скоро ты домой:
Смотри ж... Да что? моей судьбой,
Сказать по правде, очень
Никто не озабочен.
А если спросит кто-нибудь...
Ну, кто бы ни спросил,

¹ Максимов Д. Е. Поэзия Лермонтова. М.; Л., 1964. С. 159.

² Шесть первых ямбических строк строфы (по схеме: 434344...) с мужскими клаузулами неожиданно сменяются кодой из двух трехстопных строк с женскими окончаниями, создавая эффект парадоксальной, смысловой и ритмической неожиданности — как бы разомкнутости повествования.

Скажи им, что навьлет в грудь
Я пулей ранен был;
Что умер честно за царя,
Что плохи наши лекаря
И что родному краю
Привет я посылаю.
Отца и мать мою едва ль
Застанешь ты в живых...
Признаться право, было б жаль
Мне опечалить их;
А если кто из них и жив,
Скажи, что я писать ленив,
Что полк в поход послали,
И чтоб меня не ждали.
Соседка есть у них одна...
Как вспомнишь, как давно
Расстались!.. Обо мне она
Не спросит... все равно,
Ты Расскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалеи;
Пускай она поплачет...
Ей ничего не значит!³

В свою очередь, прерывистая речь героя, наполненная паузами и недомолвками, складывается, тем не менее, в очень четкую по сюжету повесть с четырьмя (по числу строф) ясно акцентированными эпизодами. В первом восьмистишии подразумевается встреча с собеседником-другом, и воин уже вполне подготовился не только к ней, но и к прощанию с жизнью. А далее воссоздается постепенно сужающийся круг лиц из прошлой, довоенной жизни героя. В последние свои часы он переносится в тот мир-

³ *Лермонтов М. Ю.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М.; Л., 1961. С. 506 (здесь, однако, стихотворение, как и во всех прочих изданиях, начиная с прижизненной публикации в «Отечественных записках», напечатано без дифференциации четырех- и трехстопных строк). Далее ссылки на это издание даются в тексте.

ный быт, в родные края, в круг старых знакомых и родных, от которых надолго был оторван. И оказывается, прошлое вовсе для него не односторонне, а стало быть, и не безразлично ему.

«Лермонтов (...), — замечает Л. Я. Гинзбург, — создает нечто для русской поэзии совершенно новое — лирическую новеллу, кратчайшую стихотворную повесть о современном человеке. И здесь он снимает весь промежуточный аппарат балладной стилизации. (...)

Только из динамической стихотворной речи, в которой от каждого соприкосновения слов рождаются ассоциации и подразумевания, могло возникнуть лермонтовское «Завещание», психологическая повесть, в которой есть все: события, герои, эмоции, обобщение. (...)

Такую историю можно описать (и описывали) на сотне страниц и на тысяче страниц, но тогда это будет, в сущности, совсем другая история. «Завещание» — это торжество смысловой объемности слова. Это динамический сгусток, который дается читателю не развернутым, и читатель внутренне постигает его в каком-то молниеносном охвате»⁴.

В этом определении можно увидеть, между прочим, своеобразное предостережение не разворачивать «динамический сгусток» лермонтовской «психологической повести» и не воссоздавать тем самым «совсем другую историю». Заметим, однако, что при всем своеобразии своей поздней новеллистической лирики Лермонтов, как нам представляется, все же использует в ней традиционные поэтические средства. В связи с трактовкой пушкинского стихотворения «Я вас любил, любовь еще, быть может...» В. В. Шкловский резонно отмечал по поводу обычного перечня поэтических тропов, применяемых в лирике: «В то же время не указываются, или может быть, считаются

⁴ Гинзбург Л. Я. Лирика Лермонтова // М. Ю. Лермонтов: Pro et contra. Личность и творчество Михаила Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. СПб., 2003. С. 578–579.

неважными так называемые сюжетные построения, оперирующие событиями»⁵.

Вместе с тем принципиально важно, что на фоне бытовой лексики в «Завещании» своеобразным стилистическим курсивом выделяется единственный поэтизм: «пустое сердце», — как увидим, в лирике Лермонтова особо значимый, требующий комментария. А это, в свою очередь, отбрасывает свет на все содержание стихотворения.

В. Г. Белинский считал, что «последние стихи этой пьесы насквозь проникнуты леденящим душу неверием в жизнь и во всевозможные отношения, связи и чувства человеческие»⁶. Так ли это? Попробуем строфа за строфой проследить, как строится этот сюжет, таящий ряд нарочито не проясненных отчетливо намеков. Неразвитых прежде всего потому, что прощальные слова обращены к другу, которому все недоговоренности и так вняты. Стало быть, и читатель, до которого донесена эта речь, также становится доверенным лицом.

«Поедешь скоро ты домой: *смотри ж...*», — предупреждает герой своего боевого товарища. И сразу же обрывает себя, отчетливо понимая, что его судьбой там «очень никто не озабочен». Чего же тогда опасается он, каких сведений о себе не хочет поверять?

В сущности, он предлагает донести до разных людей три версии своей гибели, из них верна лишь та, которую он вовсе не желает оставлять в памяти всех давних знакомцев. Понимая, почему он так поступает, мы постепенно получаем отчетливо проявляемый оттиск его психологического портрета.

Первая из версий — для всеобщего пользования: «Скажи им, что навьлет в грудь я пулей ранен был»⁷. Это, пожа-

⁵ Шкловский В. В. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Иностранная литература. 1969. № 6. С. 219.

⁶ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 12. М., 1956. С. 19.

⁷ «И вот вопрос, — размышляет Ю. М. Никишов, — есть ли разница между “всею правдой”, которую нужно рассказать соседке, и

луй, невольная цитата — из описания смерти пушкинского героя Ленского: «Под грудь он был навывлет ранен». Может быть, именно поэтому потребовалось тут же пояснить, что имеется в виду не дуэль, а боевая схватка с врагом: «умер честно за царя»⁸. А вот следующее уточнение оказывается не вполне логичным. «Плохи наши лекаря»? Но при смертельной ране — навывлет в грудь — врачебная помощь вообще невозможна, ср. в «Валерике»:

...на шинели,
Спиною к дереву лежал
Их капитан. Он умирал:
В груди его едва чернели
Две ранки; кровь его чуть-чуть
Сочилась {...}

той правдой, которую нужно сообщить землякам (тем, которые любопытствуют о судьбе солдата). Это — «вся правда»? {...} Конечно, это — правда, от первого до последнего слова, и все-таки это не «вся» правда, которую нужно сказать соседке. Сообщение для земляков отнюдь не лишено примет индивидуальности, но индивидуальное уступает место обезличенности, казенному слогу («умер честно за царя»)» (*Никишов Ю. М. Лирика: поэтика и типология композиции. Калинин, 1980. С. 83*). В. С. Баевский же заметил: «...не ясно, действительно ли он так ранен, или только наказывает другу повторить этот романтический штамп: если уж ранен, то навывлет в грудь. На такую мысль наводит следующий стих, содержащий официальную формулу: “умер честно за царя” и даже, возможно, слова о поклоне, который умирающий посылает родному краю» (*Баевский В. С. История русской поэзии. 1730—1980. Компендиум. М., 1994. С. 144*). Здесь, очевидно, важно подчеркнуть, что все это *вовне ясно* другу, собеседнику.

⁸ Показательно, что, откликаясь на стихотворение Лермонтова, присланное ему Н. М. Языковым, Н. А. Мельгунов писал в конце 1841 года: «Спасибо Вам за последние стихи Лермонтова. Скажите, его “Завещание” — фантазия или в самом деле написано перед смертью? Для умирающего слишком сухо и холодно, да к тому ж он говорит: “умер честно за царя”, между тем как мне писали, что он убит на дуэли с Мартыновым...» (*Литературное наследство. Т. 58. М., 1952. С. 492*).

Долго он стонал,
 Но все слабей и понемногу
 Затих и душу отдал Богу... (1, 502–503).

В «Завещании», очевидно, герой невольно проговаривается об истинной причине смерти, которая вовсе не была столь скоротечна. Наверное, он не хочет остаться в памяти давних знакомых беспомощным калекой, изувеченным в схватке⁹. А может быть, его подталкивает к могиле мучительная лихорадка, которая косила служивших на Кавказе почище пухля и сабель горцев.

Версия для родных еще более далека от истины: «писать ленив», «полк в поход послали». Здесь, впрочем, тоже предвестье гибели («чтоб меня не ждали») — ясно, что кавказские походы смертельно опасны. И все же если отец или мать пока живы, им оставляется какая-то надежда.

И только «соседке» следует (непреренно нужно!) рассказать «всю правду». Вполне очевидно, правду не просто жестокую, но тягостно неприятную. Только эту женщину почему-то герой вправе, хотя бы и не надолго, опечалить до слез. Почему?

У нее — «пустое сердце». Это, несомненно, в ряду других сигналов монолога самый сильный и для поэтики Лермонтова достаточно неоднозначный. Сравним у Пушкина:

Цели нет передо мною:
 Сердце пусто, празден ум (...) (III, 104).

Здесь лишь констатация полного безразличия к «однозвучному шуму жизни». Из Лермонтова же прежде всего приходят на память строки из «Смерти поэта»:

⁹ Герой рассказа В. М. Гаршина «Четыре дня», брошенный на поле сражения, мысленно обращается к матери и невесте: «Господи, не дай им узнать всю правду! Пусть думают, что я убит наповал. Что будет с ними, когда они узнают, что я мучился два, три, четыре дня» (*Гаршин В. М. Сочинения*. М., 1986. С. 26). Переключка рассказа со стихотворением Лермонтова отмечена Л. П. Семеновым: *Семенов Л. П. Лермонтов и Лев Толстой*. М., 1914. С. 137–138.

Пустое сердце бьется ровно,
В руке не дрогнет пистолет.

– И пустота сердца там специально определена так:

Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог щадить он нашей славы,
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руку поднимал (1, 413).

Однако вполне очевидно, что *такое* сердце не подвержено хотя бы кратковременному переживанию за содеянное.

В любовной лирике Лермонтова то же понятие оказывается более сложным (здесь и далее курсив мой. — С. Ф.):

Смеялась надо мною ты,
И я с презреньем отвечал —
С тех пор *сердечной пустоты*
Я уж ничем не заменял.
Ничто не сблизит больше нас,
Ничто мне не отдаст покой...
Хоть в сердце шепчет чудный глас:
Я не могу любить другой (1, 160).
Мой смех тяжел мне, как свинец,
Он плод *сердечной пустоты*.
О Боже! вот, что наконец,
Я вижу, мне готовил ты.
Возможно ль! первую любовь
Такою горечью облить;
Притворством взволновать мне кровь,
Хотеть насмешкой остудить.
Желал я на другой предмет
Излить огонь страстей своих.
Но память, слезы прежних лет!
Кто устоит противу их? (1, 170)
Она лишь дума в *сердце опустелом*,
То мысль об *ней*. — О, далеко она;
И над моим недвижным, бледным телом

Не упадет слеза ее одна (1, 179).
 И отучить меня не мог обман;
Пустое сердце ныло без страстей,
 И в глубине моих сердечных ран
 Жила любовь, богиня юных дней (1, 187).

Здесь пустота сердца не омертвела безразличием, она ноет как незажившая рана.

Вот почему лермонтовскому герою нужно, чтобы соседке непременно взгрустнулось. Здесь скрытая надежда на то, что для нее памятно первое чувство, пусть и неразделенное — «ей ничего не значит».

И возвращаясь к стихотворениям Лермонтова, процитированным выше, мы убеждаемся, что уже в них был предугадан сюжет, окончательно оформленный лишь в «Завещании»:

...И сожаленью чуждыми руками
 В сырую землю буду я зарыт.
 Мой дух утонет в бездне бесконечной!..
 Но ты! — О, пожалей о мне, краса моя!
 Никто не мог тебя любить, как я,
 Так пламенно и так чистосердечно (1, 179).
 Я предузнал мой жребий, мой конец.
 И грусти ранняя на мне печать:
 И как я мучусь, знает лишь Творец;
 Но равнодушный мир не должен знать.
 И не забыт умру я. Смерть моя
 Ужасна будет; чуждые края
 Ей удивятся, а в родной стране
 Все проклянут и память обо мне.
 Все. Нет, не все: создание одно,
 Способное любить — хоть не меня;
 До этих пор не верит мне оно.
 Однако сердце, полное огня,
 Не увлечется мненьем, и мое
 Пророчество припомнит ум ее,
 И взор, теперь веселый и живой,
 Напрасной отуманится слезой (1, 192).

В 1839 году Лермонтов так описал смерть Александра Одоевского:

...Ты умер, как и многие, без шума,
Но с твердостью. Таинственная дума
Еще блуждала на челе твоём,
Когда глаза закрылись вечным сном;
И то, что ты сказал перед кончиной,
Из слушавших тебя не понял не единый...
И было ль то привет стране родной,
Название ли оставленного друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль просто крик последнего недуга
Кто скажет нам?.. Твоих последних слов
Глубокое и горькое значенье
Потеряно... (1, 462).

И осмысляя заново предсмертный монолог героя в «Завещании», мы сталкиваемся с цепью сигналов, позволяющих осмыслить вовсе не рядовую судьбу умирающего на чужбине воина. Он хочет побыть наедине с другом, отправляющимся на родину, от которой сам издавна был оторван. Разлучен по своей ли воле? И прощальный его «привет родному краю» неужели лишь только дань условной традиции? А что, если это невольный вздох по недостижимому? Он много лет не писал даже отцу и матери. По совершенному к ним безразличию? Тогда почему же он не хочет их опечалить?

Характеризуя героя лирического монолога, Д. Е. Максимов пишет:

Он — простой человек в социально-бытовом, а в некоторых отношениях и в психологическом смысле слова. И в образе этого простого человека сохраняется «лирическая душа» основного героя творчества Лермонтова. Герой «Завещания» — и «сосед», и «автор», который смотрит на домик соседа и слушает сквозь тюремную стену его песни, и человек с большим сердцем, штабс-капитан Максим Максимович, и ветеран 1812 г.,

рассказчик «Бородина», и даже — отчасти — разочарованный и скептический Печорин»¹⁰.

Мы вправе дополнить этот ряд и героем стихотворения «Памяти А. И. О(доевского)».

Скорбь стихотворения «Завещание» по-особому просветлена. Рядом с умирающим — друг, брат. А стало быть, «глубокое и горькое значенье» его «последних слов» было понято, а значит, не потеряно и для нас. Более того, оно приобретает тенденцию стать нашим личным мироощущением.

«Есть два рода самопознания литературы, — справедливо замечает В. В. Мусатов, — критика и традиция. Художественное явление живет в последующие эпохи в оценке и анализе — с одной стороны, и в непрерывности творческой преемственности — с другой»¹¹.

Отзвуки стихотворения «Завещание» растворены в русской поэзии и часто непосредственно переосмыслены через собственные судьбы иными поэтами.

Так, в поэме Н. П. Огарева «Юмор» читаем:

...Как знать? Вдали, в краю чужом,
 (Хотя я езжу осторожно)
 Умру, быть может. Жалко вам?
 Да не желал бы я и сам.
 Вот воля вам моя одна:
 Скажите тем, кого любил я,
 Что в смертный час их имена
 Произнося, благославил я,
 Что смерть моя была ясна,
 Что помнить обо мне просил я,
 Смирясь, покорствовал судьбе
 И скоро жду их всех к себе...¹²

¹⁰ Максимов Д. Е. Поэзия Лермонтова. С. 159.

¹¹ Мусатов В. В. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX в. (А. Блок, С. Есенин, В. Маяковский). М., 1991. С. 4.

¹² Огарев Н. П. Избранные произведения. Т. 2. М., 1956. С. 34 (данная реминисценция, среди многих других, отмечена Л. П. Семеновым в книге «Лермонтов и Лев Толстой». С. 138).

Подспудный, народный песенный склад лермонтовского «Завещания» откликнется в поэзии С. Есенина:

Сыпь, тальянка, сыпь, тальянка, смело!
Вспомнить, что ли, юность, ту, что пролетела?
Не шуми, осина, не пыли, дорога.
Пусть несется песня к милой до порога.
Пусть она услышит, пусть она поплачет.
Ей чужая юность ничего не значит...¹³

«Откройте Лермонтова, — призывает С. С. Орлов — и еще раз перечитайте его “Завещание” (...) Я же, когда читаю его, каждый раз возвращаюсь к траншеям подо Мгой, к брезентовым палаткам медсанбатов, и мне кажется, что Лермонтов — не гениальный поэт, а армейский офицер, на нем хлопчатобумажная гимнастерка, три звездочки на полевых погонах, у него усталые, красные от бессонницы глаза, и он только что слышал последние слова фронтового друга:

Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть...»¹⁴.

¹³ Есенин С. А. Собр. соч. Т. 3. М., 1962. С. 92 (см.: Мануйлов В. А. О Сергее Есенине // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1986. С. 183).

¹⁴ Орлов С. С. Одно стихотворение // Орлов С. С. Наедине и с тобою. М., 1978. С. 15.